

THE HISTORY OF THE RUSSIAN SCHOOL OF THE ART TRANSLATION. V. ZHUKOVSKY

Abstract: The article is sanctified to the analysis of forming principles of Russian school of artistic translation and embodiment of them in activity of B. A. Zhukovski on the base of expressions of prominent literati 20 and 21 century. His basic functions (elevating mind, выработка of new language and literary means), basic signs ("re-expression" absence of the over-literal rendering), are educed. B. A. Zhukovski underlined that translation for него–одновременно it and stranger he described the technique of translation (Odyssey Homer). Consequently translator–jeweller sending stranger diamonds in the frame of the mother tongue.

Author information:

Lyudmila Ivanova
PhD

Prof., Doctor of philology
National Pedagogical Dragomanov University

✉ lupiv1303@gmail.com

🌐 Ukraine

Keywords:

artistic translation, Russian school of translation, V. A. Zhukovski

Проблема художественного перевода рассматривается в большом количестве научных трудов. Сформировалось специфическое филологическое направление на стыке языкознания и литературоведения.

В каждой национальной литературе указанное направление развивалось по-своему. Мы обратимся к русской переводческой традиции и к одному из самых ярких ее основоположников – В. А. Жуковскому.

В самом обобщенном виде художественный перевод это “вид литературного творчества, в процессе которого произведение, существующее на одном языке, воссоздается на русском” [6, с. 656].

Литературоведы относят художественный перевод к сфере искусства, утверждая, что он подчиняется его специфическим законам. Аргументация следующая: “Начало и конец переводческого творчества лежат в области словесной формы – написанное на одном языке переводчик передает на другом. Однако между исходной точкой и результатом лежит сложный психологический процесс “перевыражения” (слово, употребленное А. С. Пушкиным и приобретающее ныне права термина) той жизни, которая закреплена в образной ткани произведения” [6, с. 656–657].

Художественный перевод, его специфика локализованы как в пространстве (национальные традиции), так и во времени (становление и развитие этих традиций).

С этих позиций особую актуальность приобретает заявленная в нашей статье тема. Русская переводческая школа была заложена во времена Киевской и Московской Руси, когда делались переводы с церковно-славянского, греческого, латинского и других языков. Первый русский писатель В. К. Тредиаковский был и первым переводчиком того времени, переводами занимались А. Д. Кантемир, М. В. Ломоносов, А. П. Сумароков, М. М. Херасимов, В. В. Капнист, И. А. Крылов, Н. М. Карамзин и др.

Большое значение в истории художественного перевода в России имеет деятельность В. А. Жуковского, его наследие позволяет проследить, как уточнялось в русской литературе того времени понимание взаимоотношений оригинальной и переводной литературы.

Не занимаясь специально проблемами художественного перевода, великий А. С. Пушкин высказал целый ряд основополагающих положений.

Во-первых, благодаря переводу человечество движется вперед: "Переводчики – почтовые лошади просвещения" [5, с. 321].

Во-вторых, "...переводчик должен стараться передавать дух, а не букву" [5, с. 226]. И вполне современная лингвистическая аргументация: „Подстрочный перевод никогда не может быть верен. Каждый язык имеет свои обороты, свои условленные риторические фигуры, свои усвоенные выражения, которые не могут быть переведены на другой язык соответствующими словами” [5, с. 232].

В. А. Жуковский также выступал против буквализма в переводе, однако если А. С. Пушкин говорил о развитии просвещения, то В. А. Жуковский в художественном адекватном переводе видит один из путей обогащения языка-реципиента: „Верные переводы латинских и греческих поэтов и прозаиков (верные в высоком смысле, то есть не бессмысленное слово в слово, а отзыв одного языка в другом так, чтоб и тот и другой слышались в одно время, не вредя один другому несочитанием звуков, а составляя гармонию из их разнородности и различия, такие переводы принесли неслыханную пользу нашему языку, уже довольно утвердившемуся, но ещё много приобрести могущему: он свое образование более заимствовал у языков новейших, а дух древности еще не сходил на него” [2, с. 530–531].

Обратим внимание в данной характеристике на важнейший критерий „верного” перевода: чтобы оба языка “слышались в одно время, не вредя один другому”.

Указанные положения автор воплощал в процессе переводческой работы. Итак, обратимся к В. А. Жуковскому. Напомним некоторые важнейшие моменты его жизни и творчества.

Василий Андреевич Жуковский родился в 1783 г., умер в 1852. Литературоведы указывают на то, что начав как антименталист, стал одним из основоположников русского романтизма [4, с. 955], создал первые образцы русской пейзажной лирики [4, с. 957]. Г. Н. Поспелов отмечает: „Для выражения нового понимания душевной жизни и нового восприятия природы Жуковский создал соответствующие формы. Культивируя жанры элегии и дружеского послания, он разработал утонченные средства словесной изобразительности, нашел своеобразный метафорический, язык и новый интонационно-ритмический строй поэтической речи, придавшие его стихам исключительную выразительность и музыкальность” [4, с. 957].

Любимый жанр поэта – баллады, в процессе их создания автор апробировал и развивал поэтический язык: „Баллады Жуковского отличаются сжатостью повествования, захватывающего только важнейшие эпизоды в жизни героев и быстро ведущего конфликт к разрешению. Самые приемы повествования, усиливающие в действиях героев и окружающей их обстановке все необычное, неожиданное, необъяснимое, накладывает на события ореол таинственности. Этому же способствует эмоциональная выразительность и приподнятость интонаций автора, ведущего повествование с помощью риторических вопросов и восклицаний, применяющего соответствующие наречия и междометия (чу, вот, уж, вдруг и т.п.). В своей ритмической форме баллады Жуковского были значительным шагом вперед в разработке русского силлаботонического стиха; часть из них написаны хореем, часть трехсложными размерами. Баллады знакомили русских читателей, воспитанных на рационалистической поэзии классицизма с новым для них миром, отразившим целую эпоху в историческом развитии общества” [4, с. 958–959]. Благодаря балладам В. А. Жуковский утвердил в русской литературе романтизм.

Обратимся к переводческой деятельности поэта. Он познакомил русского читателя с „Орлеанской девой” Ф. Шиллера, с „Шильонским узником” Дж. Г. Байрона, с „Ундиной” Ф. де Ламотт Фуке, с частью индийского эпоса „Махабхарта”, названной „Наль и Дамаянти”, с „Одиссеей” Гомера и др.

По поводу специфики своего перевода В. А. Жуковский высказывался неоднократно. Так, в письме Н. В. Гоголю он подчеркивает свое „соавторство“: „Я часто замечал, что у меня наиболее светлых мыслей тогда, как их надобно импровизировать в выражение или в дополнение чужих мыслей. Мой ум как огниво, которым надобно ударить об камень, чтобы из него выскочила искра. Это вообще характер моего авторского творчества; у меня почти все или чужое, или по поводу чужого – и все, однако, мое“ [2; 468].

Попытаемся разобраться в последнем положении. Переводчику удавалось трепетно сохранять „чужое“. Так, по поводу перевода „Рустема и Зораба“ В. А. Жуковский писал Н. В. Гоголю: „Я...кончил „Рустема и Зораба“ которого (в этом я уверен) ты прочтешь с удовольствием, ибо в этом отрывке, составляющем целое, высокая поэзия Древней Греции, необразованного Запада, но пышного пламенного Востока“ [2, с. 472].

В процессе перевода „чужое“ становилось „своим“. Не случайно В. А. Жуковский пишет об „усыновлении“ Н. И. Гнедичем Гомера: „Россия будет вам благодарна за старика Гомера, которого вы ей усыновляете, я радуюсь, между прочим, и старому гекзаметру, который вотще нашим почетным любимцами Феба, ближе к гармонии вдохновленных лир, чем сухой и прозаический ямб, освещенных привычкою“ [2, с. 476]. Таким образом, в процессе перевода происходит обогащение и поэтическими размерами.

Перевод – это гармония двух талантов. Так, А. С. Пушкин восхищался переводами „Шильонского узника“ Д. Г. Байрона, сделанными В. А. Жуковским. В письме Н. И. Гнедичу, он отмечает: „Перевод Жуковского est un tour, force (представляет собою чудо мастерства). Злодей! В бореньях с трудностью силач необычайный! Должно быть Байроном, чтобы выразить столь со страшной истиной первые признаки сумашествия, а Жуковским, чтобы это перевыразить“.

Думается, „перевыразить“ – ключевые понятия перевода как такового. Гений А. С. Пушкина позволяет одним словом обозначить и все достоинства, и все трудности перевода.

В. В. Набоков сожалеет по поводу отсутствия у В. А. Жуковского собственных тем. „Отсюда его непрестанный поиск сюжетов в произведениях немецких и английских поэтов“ [3, с. 530].

В. А. Жуковский в письме С. С. Уварову признавался в отсутствии „собственных басен“ [2, с. 535]. „Тем не менее свои переводы он считал произведениями оригинальными“ [2, с. 535].

Значительной вехой в переводческой деятельности В. А. Жуковского явился перевод „Одиссеи“ Гомера. Обращение именно к данному произведению переводчик аргументирует так: „...мне захотелось повеселить душу первобытную поэзией, которая так светла и тиха, так животворит и покоит, так мирно украшает все нас окружающее, так не тревожит и не стремится ни в какую туманную даль... мне захотелось присоединиться к простодушнейшему из всех рассказчиков и, не имея в запасе собственных басен, повторить на Руси его греческие стародавние басни“ [2, с. 534].

Помимо восторженной глубокой оценки древнегреческой поэзии, обращают на себя внимание два момента: удовольствие от самого процесса перевода („повеселить душу“) и, несмотря на то, что В. А. Жуковского традиционно связывают со становлением романтизма в русской литературе, автор стремится от него отойти („не стремись ни в какую туманную даль“ – типичный романтический образ).

В письме С. С. Уварову, В. А. Жуковский детально описывает технику перевода „Одиссеи“.

Немецкий профессор Грасгоф „...под каждым греческим словом поставил немецкое слово и под каждым немецким – грамматический смысл оригинального. Таким образом, я мог иметь перед собою весь буквальный смысл „Одиссеи“ и иметь перед глазами весь порядок слов“ [2, с. 535]. „...мне надлежало из данного нестройного выгадывающееся в нем стройное, чутьем поэтическим отыскивать красоту в безобразии и творить гармонию из звуков,

терзающих ухо; и все это не во вред, а с верным сохранением древней физиогномии оригинала. В этом отношении и перевод мой может называться произведением оригинальным” [2, с. 535].

„Передавая моему языку его девственную поэзию (которой гармония доходила до моего слуха посредством визгов подстрочного немецкого перевода), я некоторым образом принужден был спрашиваться с самим гением Гомера, не имея материального посредничества и в языке его, и эта духовная беседа с тенью имела для меня чудную прелесть” [2, с. 539]. Обратим внимание на попутное замечание по поводу звучания немецкого языка, к чему обратился немец.

Переводчик озабочен не только эстетическими проблемами, он говорит о воспитательном потенциале поэмы (возможно, в данном случае, сказалась должность воспитателя наследника престола, на которой он пребывал 15 лет): „По моему мнению, нет книги, которая была бы столь прилична первому светлому периоду, как „Одиссея”, возбуждающая все способности души прелестью разнообразною; надобно только дать в руки молодежи не одну сухую выписку в прозе из Гомеровою поэмы, а самого живого рассказчика Гомера, который в одну раму заключил всю древнюю Грецию с чудесными ее преданиями, с ее первобытными нравами” [2, с. 538].

Именно такой поэтический перевод создал В. А. Жуковский. Остается сожалеть, что для нынешней нашей молодежи, вопреки желаниям автора, перевод „Одиссеи” не стал настольной книгой.

Современно и актуально утверждение В. А. Жуковского: „...будет значительною эпохою в нашей поэзии это позднее появление простоты древнего мира посреди конвульсий мира современного” [2, с. 540].

Поэт осознает свою роль в создании (благодаря переводу немецких и английских произведений) романтизма в русской поэзии, однако, главная его заслуга – перевод Гомера (попутно вспомним непочтительное замечание о звучании немецкого языка): „...что я (во время оно родитель на Руси немецкого романтизма и поэтический дядька чертей и ведьм немецких и английских) под старость загладил свой грех и отворил для отечественной поэзии дверь Эдема, не утраченного ею, но до сих пор для нее запертого..., спешу закончить свою сладостную беседу с моим 3000–летним стариком” [2, с. 541].

Таким образом, мы познакомились и с пониманием перевода В. А. Жуковским, и даже в некоторой степени с его техникой.

Обратимся к тому, как оценивали переводческую деятельность поэта выдающиеся литераторы – его младшие современники (А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь) и поэты–переводчики XX века, в частности–В. В. Набоков.

Как мы уже отмечали, художественный перевод – любимая сфера поэтической деятельности В. А. Жуковского. Да, у него действительно практически не было своих „тем”, „басен”, как писал сам поэт, однако в процессе перевода возникало „сотворчество”, „свое и чужое” одновременно, создавались оригинальные произведения, а главное – формировалось понимание перевода как двигателя прогресса („почтовые лошади просвещения”), развивающего и совершенствующего литературный язык, формировались принципы перевода. Н. В. Гоголь подчеркивал: „Переводя, производил он переводами такое действие, как самобытный и самоцветный поэт. Внеся это новое, дотоле незнакомое нашей поэзии стремление в область незримого и тайного, он отрешил ее самое от материализма не только в мыслях и образе их выражения, но и в самом стихе, который стал легок и бестелесен, как видение. Переводя, он оставил переводами початки всему оригинальному, внес новые формы и размеры, которые стали потом употреблять все другие наши поэты” [1, с. 149].

Итак, В. А. Жуковский „самобытный и самоцветный поэт”. А. С. Пушкин отличительной чертой школы, основанной Жуковским и Батюшковым, называет „гармоническую точность” [5, с. 53]. Ему вторит В. В. Набоков: „Жуковский обладал сильной и изысканной лирой с оригинальным строем” [3, с. 530].

Н. В. Гоголь обращается к истокам поэтического творчества своего старшего современника: „Признаки творчества показал он в себе уже с самого начала своего поприща:

„Светлана и Людмила” разнесли в первый раз греющие звуки нашей славянской природы, более близкие нашей душе, нежели какие раздавались у других поэтов. Доказательством тому то, что они произвели впечатление сильное на всех в то время, когда поэтическое чутье у нас было, еще слабо развито. Элегический род нашей поэзии создан им [1, с. 149].

Таким образом, по мнению А. С. Пушкина, „Жуковского перевели бы все языки, если бы он сам менее переводил” [5, с. 259].

Думается, именно поэтический талант обусловил принципы переводческой деятельности В. А. Жуковского, легшие в основу русской переводческой школы.

1. Неприятие буквализма, необходимо „перевыразить” (А. С. Пушкин). В. В. Набоков отмечал: „Его переложения зарубежной поэзии вовсе не переводы, но талантливые, удивительно мелодичные и захватывающие пересказы (подчеркнуто мной – Л. И.), тем более завораживающие, если читателю неизвестен первоисточник. В лучших своих творениях Жуковскому удастся передать читателю наслаждение, которое он сам получает от одного стихотворного образа к другому” [3, с. 530].

2. Обогащение и развитие русского языка и литературного процесса.

3. Формирование техники перевода (на примере „Одиссеи” Гомера)

4. В. В. Набоков указывает на недостатки в переводческой деятельности В. А. Жуковского: „Его основные недостатки – постоянное стремление к упрощению и делокализации текста (метод, характерный для французского перевода того времени), а также к замене всех шероховатых и необычных частных благолепным обобщением” [3, с. 530].

В качестве итога нашего анализа сошлемся на блестящий образ, вышедший из-под пера Н. В. Гоголя: „Перед другими нашими поэтами Жуковский то же, что ювелир перед прочими мастерами, то есть мастер, занимающийся последнею отделкою дела. Не его дело добыть в горах алмаз – его дело оправить этот алмаз таким образом, чтобы он заиграл всем своим блеском и выказал бы вполне свое достоинство всем. Появление такого поэта могло произойти только среди русского народа, в котором так силен гений восприимчивости, данный ему, может быть, на то, чтобы оправить в лучшую оправу все, что не оценено, не возделано и пренебрежено другими народами” [1, с. 157].

Следовательно, функция переводчика не только ввести переводимое произведение в контекст родной культуры, литературы, обогатить ресурсы языка, но и украсить его благодаря использованию ресурсов языка–реципиента.

References:

1. Gogol N. V. (1950) *Sobranie sochinenij v 6t., tom shestoj. Izbrannye stati i pisma*. Moskva.
2. Zhukovskij V. A. (1980) *Sochineniya v 3–h tomah. T.3. Skazki: "Epos"; Hudozhestvennaya proza; Kritika; Pisma*. Moskva.
3. Nabokov V. V. (1998) *Kommentarii k romanu A. S. Pushkina "Evgenij Onegin". Perevod s anglijskogo*. Sankt–Peterburg.
4. Pospelov G. N. (1964) *Zhukovskij // Kratkaya literaturnaya ehnciklopediya*, T.2. Moskva,
5. Pushkin A. S. (1962) *Sobranie sochinenij v 10–ti tomah, T.VI. Kritika i publicistika*. Moskva,
6. Toper P. M. (1968) *Perevod hudozhestvennyj // Kratkaya literaturnaya ehnciklopediya* T.5. Moskva,